

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Грех, благодать и свобода

Мы говорили о том, что XVI век, Новое время, начинается с эпохи Реформации. Новое время – это время гуманизма, это период, который пришёл на смену эпохи Возрождения, по крайней мере в истории философии.

Реформация, безусловно, связана с именем швейцарского епископа Мартина Лютера. Он, конечно, оппонировал папскому престолу, Ватикану.

Он не был одинок. Общественная мысль в Европе, особенно в северной Европе, была возмущена и озабочена тем порядком, который сложился в католической церкви, тем духом наживы и взяточничества, алчностью, которая была присуща священнослужителям, представителям папской власти на местах. И когда Мартин Лютер опубликовал донос о злоупотреблениях – торговле индульгенцией и многие другие коррупционные дела.

Лютер ещё и подкрепил своё донесение публичным выступлением. Написал статью, которая получила распространение в образованных кругах. На что папа Римский Лев X объявил буллу на сорок одну статью, взятую из учения Лютера.

И Томас Мор, и Эразм Роттердамский тоже были озабочены этим самым.

В конце концов конфликт между папой Львом X и епископом Лютером, который прибил обличительное воззвание на ворота Виттенбергского собора в 1517 году, считается началом раскола на католическую и протестантскую церкви в Западной Европе.

Эразм Роттердамский тщетно пытался смягчить этот конфликт. Но власть имущие, в том числе и обладающий духовной властью, преследовали собственные интересы. Были политические перипетии, которые Энтони Кенни вкратце описывает в этой главе.

Но в конце концов, всё закончилось тем, что король Англии Генрих VIII всё-таки подверг репрессиям Мартина Лютера, потом Эразм Роттердамский также лишился благоволения папы Римского, несмотря на все свои усилия сгладить конфликт. В конечном итоге гораздо позже в Англии уже королева Елизавета приняла на себя руководство церковью и появилась англиканская церковь.

Много причин было для раскола – не только политических, но и культурологических, экономических, гуманитарных. Но Энтони Кенни, рассматривая историю философии, раскрывает, в чём философские корни этого конфликта. Корни кроются в различном понимании свободы воли. Лютер говорил: «Свобода воли после греха – это лишь внешняя оболочка и ярлык без реальности, потому что ни в чьей власти планировать зло или добро». Эразм Роттердамский в ответ на это уподобляется схоластикам, которых он сам осуждает. Аргументирует свои доводы текстами из Ветхого и Нового заветов, использует церковные указы, энциклики, чтобы показать, что у людей всё-таки есть свобода воли. Но его тема состоит в том, что все увещания, обещания, приказы, угрозы, упрёки, проклятия, которые можно найти в священных писаниях, теряют смысл, если бы это была необходимость, а не свободная воля, которая определяет добрые или злые поступки. Вопросы толкования библии доминируют как в книге Эразма, так и в трудах Лютера.

В чём позиция Мартина Лютера? Он совершенно однозначно ссылается на монолог Лоренцо Валла о свободе воли – он приводит, но не развивает его.

Энтони Кенни упоминает вскользь это имя, а между тем Лоренцо Валла – очень примечательная личность. Это как раз тот деятель, который был секретарём папы, хотя он был очень прогрессивным учёным. Он был меценатом. Есть сведения, что многие заказы художникам, в том числе Микеланджело и Рафаэлю, проходили через руки этого человека. Который своим образом жизни разрушил пуританские стереотипы. Валла говорил: «Для того, чтобы быть высокодуховным, не обязательно умерщвлять своё тело». Если можно так сказать, он был такой бонвиван в Ватикане. И многие папы приняли такой образ жизни, зачем отказываться от благ земных, если совершенно не обязательно попадать в рай через аскезу.

Мартин Лютер был прекрасно знаком с трудами Лоренцо Валла, был с ним согласен. Но в споре о свободе воли Лютер совершенно не поддерживает позицию Валла. Он находит такое понимание возмутительным, в отличие от Эразма Роттердамского, который поддерживает точку зрения официального представителя Ватикана. Он говорит о том, что то, что люди знают много вещей, которые произойдут в будущем, не решает вопрос о божественном предвидении этих событий.

Эразм Роттердамский говорит, что есть просто чисто научная любознательность. И это часть

того божественного дара, который делает такое знание необходимым. А Лютер возражает: «Если это нерелигиозно, любознательно и очень сложно, что же тогда религиозное, серьёзное и полезное знание?». Лютер утверждает, что «Бог ничего не предвидит условно. Он предвидит, намеревается и совершает всё по своей неизменной, вечной и непогрешимой воле».

Здесь кроется корень философского конфликта, который имеет практический выход. Лютер говорит, что если и существует свобода воли, то это свобода воли Бога. А смертные трактуют эту волю в собственных интересах, в том числе и папский престол. За что Лютер был подвергнут гонениям и отлучению от католической церкви? Потому что он считал, что простому христианину совершенно не нужны посредники между ним и Богом. Посредники в виде целой иерархии священнослужителей. Зачем эта сложная лестница, которая служит для наживы и для эксплуатации потребности человека в вере?

Здесь сложно не согласиться, особенно нам, наследникам открытой мировоззренческой системы, тенгрианства. Давайте вспомним, в великой степи великие деятели, не смотря на существование огромных империй, всегда проявляли конфессиональную толерантность. Потому что все они – от Аттилы до наследников Чингисхана впитывали и принимали разные религии – ислам, христианство, христианство несторианского толка, понимая, что это лишь формы посредничества между Тенгри как высшим идеалом и простым смертным. Для того, чтобы получить благодать небес, не обязательно строить храмы. Степняк находит себе храм в любом месте – у подножья любого дерева или под открытым небом.

В этом смысле мы можем вслед за Бертраном Расселом говорить, что не случайно, наверное, такая точка зрения возобладала именно в германоязычных сообществах, в людях, которые вынесли из Евразии модифицированное тенгрианское знание. Может быть, оно было забыто в народе, но люди, обладающие даром мыслителей, не могли не знать этого, если не достоверно, то хотя бы интуитивно.

Все эти философские разногласия в конечно счёте выражаются в понимании свободы воли человека. И в этом разница между позициями Эразма Роттердамского и Мартина Лютера. Лютер отрицает понятие свободы воли. Он говорит, что человек поступает по необходимости. Но кто волен создавать эту необходимость? Конечно, не человек. У человека нет подлинной свободы, потому что он стоит перед необходимостью. Череда этих необходимостей создаётся по воле Бога. «Человеческая воля подобна вьючному животному. Если Бог ездит на ней, то человек идёт туда, куда пожелает Бог. Если Сатана ездит на ней, то человек идёт туда, куда укажет Сатана». У него нет свободы выбора своего наездника. По Лютеру, человек просто действует по необходимости в зависимости от обстоятельств. И поэтому Лютер предпочитает полностью отказаться от термина «свободная воля».

Главной заботой Лютера было отрицать свободу воли в вопросах, которые делают расхождение между спасением и проклятием. В других случаях он допускает возможность подлинного выбора между альтернативными действиями. «Люди имеют свободу воли не в отношении того, что выше их, а в отношении того, что ниже их». Грешник, например, может сделать свой выбор между различными грехами. Это очень интересная мысль Лютера, которая во многом определила мораль Нового времени, по крайней мере, в Северной Европе.

Но Эразм Роттердамский в этой дискуссии, конечно, возражает Лютеру и говорит о том, что и в Ветхом, и в Новом завете достаточно притч, которые провозглашают, что судьба людей определяется Богом, но есть и такие строки, которые говорят, что человек волен выбирать дурные или хорошие поступки, и в зависимости от его выбора Бог во время суда решает – быть ему в раю или гореть в аду.

Это серьёзный философский вопрос. И, конечно, он получил дальнейшее развитие и в XX, и в XIX веке. В самых разных формациях, при разных строях, при разных социальных и политических условиях вопрос свободы выбора стоит всё время. Это базовый философский вопрос, даже для атеистов.

Что актуально для нашей страны? Когда взяточника обвиняют в получении взятки, он оправдывается, говоря, что просто был поставлен перед необходимостью взять взятку, просить поставил перед этой необходимостью. Разве это может служить для него оправданием? Конечно, нет. Ведь есть подобная необходимость, а есть долг и ответственность. И, кстати, Кенни эту сторону дискуссии между Лютером и Эразмом Роттердамским как-то обходит, не

затрагивая. В конечном итоге Мартин Лютер обвиняет Эразма Роттердамского чрезмерным увлечением схоластикой, цитированием Библии. Он говорит о том, что нет свободы мысли. Один из последователей Лютера, Уильям Тиндейл говорил о том, что нужно освободиться от этих сложных переводов, многочисленных толкований, которые только усложняют понимание и в конечном итоге все права посредничества между гражданином и Богом отдают в руки священникам. Тиндейл говорил: «Мой перевод библии таков, что даже мальчишка может прочесть и понять его».

Отказ от догматизма – характерная черта эпохи Нового времени. Перевод Вульгаты на латинский был большим культурным событием в жизни Европы. Ведь Библия была написана на иврите, на арамейском, древнегреческом. А перевод на латинский был большим шагом вперед в эпоху Средневековья. Почти 600 лет прошло – и стали появляться переводы с латинского языка на языки, доступные прихожанам. Конечно, у Ватикана были опасения в тот период, что такое понимание существенно принизит авторитет и влияние папских институтов. Поэтому спор о том, кто обладает свободой воли имел вполне практическое приложение.